

Всю дорогу они ехали молча. Лян Сычжэ сильно превышал скорость. Проезжая загруженный участок дороги, он повернулся к Цао Е и спросил, есть ли у него сигареты. На этот раз Цао Е не стал возражать. Он протянул Лян Сычжэ сигарету, прикурил ему, а затем закурил сам.

Хотя он виделся с сяо-сяо Бай всего пару раз, новость о её плохом самочувствии придавила Цао Е тяжелым грузом. В машине повисла напряженная тишина. Несколько раз Цао Е поглядывал на Лян Сычжэ и видел, как тот хмурится, не скрывая своего беспокойства. С тех пор, как они возобновили общение, Лян Сычжэ всегда казался спокойным и собранным, умело скрывая свои эмоции. Даже вчера, когда он упоминал о годовщине смерти родителей, его голос и выражение лица оставались невозмутимыми. Но сейчас он выглядел непривычно взволнованным.

— Зелёный, — напомнил Цао Е.

Лян Сычжэ очнулся, кивнул и, нажав на педаль газа, проехал перекресток. Цао Е видел, что с ним что-то не так:

— Может, мне стоит сесть за руль?

— Всё в порядке, мы уже почти приехали, — ответил Лян Сычжэ, перестраиваясь в другой ряд и обгоняя впереди идущую машину.

Подъехав к ветеринарной клинике, Лян Сычжэ достал с заднего сиденья бейсболку и черную маску. Надев бейсболку, он вышел из машины и на ходу натянул маску. Он шёл очень быстро, Цао Е едва поспевал за ним, следуя в отдельную палату. Сюй Юньчу сидела у кровати, уткнувшись в телефон. Увидев их, она встала и рассказала о состоянии сяо-сяо Бай:

— У неё рвота после еды уже несколько дней. Я не говорила тебе, чтобы не портить настроение перед съёмками. Все эти дни мы возили её на капельницы. Но сегодня ей стало совсем плохо, начались судороги... Я сейчас позову врача, он тебе всё объяснит.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, присев на корточки перед клеткой с сяо-сяо Бай.

Дверца клетки была открыта — видимо, персонал клиники понимал, что у собаки не было сил даже встать. Сяо-сяо Бай лежала на боку, подключенная к капельнице. Лян Сычжэ спустил маску на подбородок и погладил собаку по голове. Сяо-сяо Бай вяло приоткрыла глаза. Увидев хозяина, она подняла голову и открыла пасть, словно хотела тявкнуть, но, видимо, у неё не было сил, и она лишь издала слабый хрип, прежде чем снова лечь.

В прошлые встречи сяо-сяо Бай выглядела гораздо бодрее. Только сейчас Цао Е осознал, что для собаки десять лет — преклонный возраст. Сейчас же полуоткрытые глаза сяо-сяо Бай были мутными и безжизненными, она вся излучала усталость, и на ней были отчетливо видны следы старости.

Сюй Юньчу вернулась вместе с врачом. Цао Е выпрямился, Лян Сычжэ тоже встал. Врач пожал Лян Сычжэ руку и с уважением сказал:

— Я много раз видел вашу собаку, но вас самого — впервые. Возможно, сейчас не время для этого, но я уже много лет ваш большой поклонник.

— Спасибо, — ответил Лян Сычжэ. Он явно был не в настроении для светских бесед, но все же сохранял вежливость. — Расскажите о состоянии собаки.

— Честно говоря, оно не очень хорошее, — врач посмотрел на сяо-сяо Бай. — В начале года мы удалили ей половину желудка. Сейчас можно сделать еще одну операцию, но в её возрасте... шансы на успех... Скажу прямо, даже если операция пройдет успешно, она может не пережить послеоперационный период.

— Вы профессиональный врач, — кивнул Лян Сычжэ. — Я хотел бы услышать вашу рекомендацию.

— Сейчас есть два варианта. Первый — поддерживать текущее состояние. Но собака не может есть, её придётся кормить через капельницу. В таком случае она проживет еще пару месяцев, но они будут мучительными. Она не сможет есть, двигаться, большую часть времени ей придется проводить в больнице...

— Похоже, вы не советуете этот вариант. Какой второй?

— Второй вариант, возможно, покажется вам жестоким, но для собаки это лучший выход — эвтаназия, — сказал врач, внимательно наблюдая за реакцией Лян Сычжэ. Увидев, что тот никак не отреагировал, он продолжил: — Вашей собаке уже больше десяти лет, это фактически естественная смерть. Дальнейшая жизнь — просто мучение. Лучше дать ей уйти без боли.

Лян Сычжэ опустил глаза и посмотрел на сяо-сяо Бай. Собака выглядела совершенно измученной. Она страдала больше недели, ей было тяжело даже моргать. Казалось, она совершенно выбилась из сил.

— Да, — Лян Сычжэ натянул маску, его голос, приглушенный тканью, звучал тихо: — Я подумую.

Когда врач ушел, Лян Сычжэ снова присел на корточки перед сяо-сяо Бай, погладил её по голове, затем взял лапу в свою руку. Когда сяо-сяо Бай делали операцию в начале года, Лян Сычжэ был на съемках за границей и не смог приехать. Тогда с собакой была Сюй Юньчу. С того момента он был готов к тому, что сяо-сяо Бай может уйти в любой момент. Но когда этот момент настал, его охватило чувство бессилия и усталости.

Жизнь полна разочарований. Десять лет назад внезапно умерли его родители, а теперь уходит

единственное существо, которое было рядом всё это время. Внезапно он вспомнил, как десять лет назад Цинь Ичжуан позвонил ему и сообщил о рождении сяо-сяо Бай. Он тогда снимался в ночной сцене и, даже не поужинав, сразу же поймал такси и поехал в Иньсы, чтобы увидеть щенка. Казалось, это было совсем недавно. Он помнил, как под тусклым светом уличного фонаря осторожно взял на руки крошечную сяо-сяо Бай, похожую на пушистый комочек, и рассмеялся. Цао Е предложил назвать её «сяо-сяо Бай», но щенок оказался удивительно похож на Цезаря.

Потом, когда он снимался в Пекине в фильме «Красный мужчина, красная женщина», он каждый день возвращался домой, часто поздно ночью, и сяо-сяо Бай голодала вместе с ним. Возможно, именно тогда у неё начались проблемы с желудком. После окончания съемок каждого фильма он забирал сяо-сяо Бай у Сюй Юньчу. Это было своеобразным ритуалом, завершающим определенный этап его жизни. Когда он не снимался, он редко выходил из дома, и без сяо-сяо Бай его жизнь была бы невыносимо скучной. Незаметно пролетело десять лет, и дни, проведенные вместе, подошли к концу.

Цао Е присел рядом с Лян Сычжэ, посмотрел на сяо-сяо Бай, а затем перевел взгляд на Лян Сычжэ. По сравнению с той тревогой, что он испытывал за рулем, сейчас Лян Сычжэ снова взял себя в руки, словно смирившись с неизбежным. Но Цао Е чувствовал в нем глубокую, подавленную печаль.

— Давай я заберу её к себе, — тихо предложил Цао Е. — Я в Пекине, смогу хорошо за ней ухаживать. Вдруг ей станет лучше.

— Станет? — переспросил Лян Сычжэ.

— Наверное, — ответил Цао Е, утешая его, хотя сам не был в этом уверен.

— Сычжэ, твой рейс в восемь вечера, — напомнила Сюй Юньчу. — Поешь что-нибудь и поезжай в аэропорт.

— Угу, — Лян Сычжэ посмотрел на часы. — Пора.

Съёмки вот-вот должны были начаться, ему нужно было приехать заранее, войти в роль, подготовиться. Он не мог позволить себе отвлекаться на собаку, даже если она была с ним десять лет. СМИ и зрители обвиняли его в импульсивности, но к съёмкам он всегда относился серьезно. Нельзя было подводить сотни людей в съемочной группе, он это всегда понимал.

— Я отвезу тебя, — сказал Цао Е. — А потом вернусь за сяо-сяо Бай.

Он тоже знал, что график съемок уже утвержден, и, если Лян Сычжэ вдруг передумает, это вызовет новую волну критики.

— Я присмотрю за ней, — сказала Сюй Юньчу. — Сычжэ, езжай спокойно.

— Угу, — отозвался Лян Сычжэ. Он еще некоторое время смотрел на сяо-сяо Бай, затем погладил её по голове и тихо произнес: «Спасибо тебе». После этого он поднялся и вышел из палаты. Цао Е последовал за ним. Выйдя из клиники, Лян Сычжэ подошел с пассажирской стороны, открыл дверь и сел в машину.

— Что ты хочешь поесть? — спросил Цао Е, садясь за руль и заводя машину.

— Все равно, — ответил Лян Сычжэ.

Ветеринарная клиника находилась недалеко от Luomeng. Цао Е заранее позвонил шеф-повару и попросил его приготовить несколько блюд. Еда в Luomeng была быстро подана, но Лян Сычжэ почти не ел. Съев только чашку рисовой каши, он лишь притронулся к остальным блюдам. Большая часть еды осталась нетронутой. Ни у кого не было аппетита. Вскоре они отправились в аэропорт.

Когда они подъехали, уже стемнело. Лян Сычжэ достал с заднего сиденья черную толстовку с капюшоном, надел ее, натянул капюшон на голову и, в черной маске, откинулся на спинку сиденья, глядя в окно. Его лицо было полностью скрыто, он молчал. Цао Е, поглядывая на него, не мог разглядеть выражение его лица. Он никогда не видел Лян Сычжэ таким. Остановившись на светофоре, он не выдержал и позвал:

— Лян Сычжэ.

Через некоторое время тот ответил:

— А?

— Не переживай так сильно. Я позабочусь о сяо-сяо Бай.

— Угу.

Загорелся зеленый свет. По встречной полосе проехали машины, и свет фар на мгновение осветил профиль Лян Сычжэ, но тут же исчез. Остаток пути они ехали молча. Цао Е не знал, как его утешить. Казалось, уход сяо-сяо Бай был неизбежен, и никто не мог сказать, будет ли милосерднее продлить её жизнь на несколько дней или нет.

В аэропорту их уже ждала Сун Циньянь. Она заранее договорилась с персоналом аэропорта об открытии VIP-прохода и вместе с сотрудниками наземных служб встречала Лян Сычжэ у входа. Дойдя до пункта досмотра, Лян Сычжэ остановился и повернулся к Цао Е:

— Возвращайся. Будь осторожен в дороге.

Его голос был хриплым, в нем слышалась усталость. Он был в капюшоне и маске. Широкий капюшон отбрасывал тень на его лицо. Стоя лицом к лицу, Цао Е наконец смог разглядеть выражение лица Лян Сычжэ. Маска была натянута высоко на его прямой нос, а выше, в его слегка запавших глазах, виднелась краснота. Сердце Цао Е болезненно сжалось. Не раздумывая, он шагнул вперед и обнял Лян Сычжэ, похлопав его по плечу:

— Все будет хорошо, Лян Сычжэ. Сяо-сяо Бай поправится.

Лян Сычжэ ответил: «Угу» и тоже обнял его за плечи, опустив голову и прижавшись лбом к его плечу:

— На обратном пути будь осторожен.

— Я знаю.

Несколько сотрудников аэропорта наблюдали за ними. Кто-то в отдалении достал телефон, видимо, чтобы сфотографировать. Эти объятия казались неуместными. Лян Сычжэ, заметив это, быстро отстранился и сделал шаг назад:

— Мне пора на досмотр.

— Да, — ответил Цао Е.

Поворачиваясь, Лян Сычжэ посмотрел на него. Этот взгляд, скрытый в тени капюшона, показался Цао Е глубоким и наполненным какими-то непередаваемыми чувствами. Он не знал было ли это просто иллюзией. Он стоял и смотрел, как Лян Сычжэ проходит досмотр. Перед его глазами стояли покрасневшие глаза Лян Сычжэ и его прощальный взгляд. Пройдя досмотр и забрав свою куртку, Лян Сычжэ помахал ему рукой. Цао Е помахал в ответ. VIP-проход был пустынным. Цао Е смотрел на удаляющуюся фигуру Лян Сычжэ. Несмотря на то, что рядом с ним шли сотрудники аэропорта и Сун Циньянь, Лян Сычжэ выглядел одиноким и потеряннным.

Обычно в самолёте он спал, но в этот раз уснуть не получалось. Тепло тех объятий словно всё ещё не полностью исчезло. Когда Цао Е обнял его, Лян Сычжэ пришлось собрать всю свою волю, чтобы не сжать слишком сильно того в ответ. В тот момент ему отчаянно хотелось прижаться к Цао Е, удерживать это тепло, не отпускать его. Его маленький мальчик был слишком добр к нему. Тогда, десять лет назад, ради него он пошел на поклон к тем, с кем меньше всего хотел встречаться. Сейчас ради него он «исправился» и перестал встречаться с девушками. А теперь, в момент его слабости, он, преодолевая собственный дискомфорт, обнял его. Но при этом Цао Е всё ещё отказывался признать свои чувства, упорно желая оставаться просто друзьями, какими они были десять лет назад.

Если он сделает еще один шаг навстречу, не потеряет ли он и это последнее тепло в своей жизни из-за собственной жадности? Цао Е пообещал помочь ему получить еще одну награду за лучшую мужскую роль. Но какой смысл в десяти таких наградах? Он рано добился успеха, взлетев на вершину из самой низкой точки своей жизни. Казалось, он был самым удачливым человеком на свете. Но именно поэтому, несмотря на множество приятелей, с которыми можно выпить и поболтать, у него не было ни одного настоящего друга, которому он мог бы довериться.

Теперь, когда не станет сяо-сяо Бай, чем он будет заниматься в перерывах между съемками? Каждый год в годовщину смерти родителей его охватывало невыносимое одиночество, возможно, поэтому все его романы начинались именно в это время. Но в этом году и роман не сложился, потому что Цао Е был против его отношений... Лян Сычжэ закрыл глаза и вздохнул. Его словно пытались сделать святым.

Успех, слава и одиночество — пожалуй, такова его судьба. Человек не может избежать своей судьбы. Шестерёнки судьбы начали вращаться с оглушительным грохотом, когда ему было семнадцать. Всё, что происходило с ним с тех пор, включая и Цао Е, словно подталкивало его к этому пути, внешне яркому и успешному, но в то же время обречённому на одиночество.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130294>